

могилку и камень навалилъ большущій. Не стало моего сердечнаго друга и брата... только и осталось мнѣ отъ него рѣчи его святія, мудрыя, да вотъ вериги эти, которыя я съ него снялъ и на грудь мою возложилъ...

При этихъ словахъ Демидъ отстегнулъ воротъ рубахи, вытаскилъ изъ-за пазухи конецъ тяжелой желѣзной цѣпи и, перекрестившись, благоговѣнно поцѣловалъ одно изъ огромныхъ и толстыхъ звеньевъ ея. На глазахъ его блеснули слезы.

— И сладко мнѣ стало, дитятко, когда я надѣлъ на себя эту памятку! Словно опять я увидѣлся съ святымъ мужемъ и услышалъ его мудрое слово. И теперь, когда, бываетъ, по слабости человѣческой посѣтитъ меня смута, печаль,—взгляну я на память друга, вспомню его,—и просвѣтлюсь. Спасъ онъ меня отъ грѣха и слабости, отъ смерти вѣчной избавилъ, гордыню мою смирилъ...

— Чему же онъ училъ васъ, дѣдушка? — спросила Лена, все время съ жадностью слушавшая разсказъ Демиды.

— Училъ онъ насъ,—началъ Демидъ важно и медленно, — училъ съ теплою вѣрою къ Господу-Богу прибѣгать, трудиться непрестанно, другъ друга любить, гордыню смирать, прощать обиды, а паче немощамъ и нуждамъ помогать... Приходили мы къ нему темные, звѣрю подобные, безграмотные, — и всѣхъ насъ словомъ своимъ онъ просвѣтлялъ и утѣшалъ...

— Развѣ ты, дѣдушка, безграмотный? — удивилась Леночка.

— Безграмотный, дитятко. Такъ смекаю малость, а по настоящему читать не могу...

— Какъ же ты такъ хорошо Писаніе знаешь? Ты прошлый разъ, какъ мы съ Петровной были, сколько говорилъ! И изъ какой книги, и какая глава, и какой стихъ... все!

— А по памяти, голубъ мой! Онъ, бывало, мнѣ читаетъ, а я запоминаю. Мы съ нимъ, можетъ, каждую книгу разовъ по пятидесяти прочли,—какъ же не запомнить?

— Теперь вотъ чтѣ еще скажи мнѣ, дѣдушка: для чего ты одинъ живешь? Развѣ въ міру нельзя также людей учить и помогать имъ?..

— Можно-то можно, а все-таки велика слабость человѣческая, дѣвушка! Иной разъ собой займешься, а ближняго своего забудешь. И ссоры, и ненависти, и зависти въ міру больше, — въ тѣснотѣ-то легче согрѣшить. А здѣсь любо мнѣ, просторно, родная ты моя! И обдумываешь все, и покаешься, и Господу-Богу во всякое время помолишься... А еще, дружочекъ, скажу я тебѣ, —когда о себѣ думать забудешь,—о другомъ скорѣе позаботишься. Вотъ я теперь живу, — ничего мнѣ не надо. Есть уголь, гдѣ